

*Международно-правовые аспекты безопасности
государства, человека и общества*

П.А.Гудев

**КОНВЕНЦИЯ ООН ПО МОРСКОМУ ПРАВУ 1982 г.:
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ**

DOI: 10.20542/2307-1494-2019-1-55-73

Аннотация: Важность участия России в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (КООНМП) не вызывает сомнений. Однако созданный КООНМП режим не статичен, он видоизменяется по мере усиления конкуренции за использование пространств и ресурсов Мирового океана. Кроме того, Конвенция 1982 г. является лишь одним из источников международного морского права, наряду с нормами обычного права, решениями международных судов и доктриной права. Неучастие целого ряда государств, прежде всего США, в КООНМП ставит страны-члены Конвенции в заведомо менее выгодное положение. Это, в частности, касается правового режима Арктики и разработки глубоководных ресурсов Мирового океана за пределами зон национальной юрисдикции. В этой связи Российской Федерации вновь предстоит проанализировать сильные и слабые стороны этого международного соглашения и разработать легитимные варианты ответа на новые риски и угрозы в области обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова Конвенция ООН по морскому праву, Комиссия по границам континентального шельфа, Арктика, Международный район морского дна, Международный орган по морскому дну, «Общее наследие человечества», глубоководная добыча ресурсов, свобода судоходства, Россия, США

Title The 1982 UN Law of the Sea Convention: strategic risks and opportunities for Russia

Abstract: The importance of Russia's participation in the 1982 UN Convention on the Law of the Sea (UNCLOS) is not to be called into question. However, the regime established by the UNCLOS is not static. It is subject to changes, as competition for the exploitation of spaces and resources of the World Ocean intensifies. Also, the UNCLOS is just one of the sources for international Law of the Sea, along with other legal sources, such as customary law, decisions of international courts, and the law doctrine. Non-participation of a number of states, especially the United States, in the UNCLOS places participating countries in a less advantageous position. This is especially true for the Arctic legal regime and for the problem of development of the World Ocean's deep-sea resources in areas beyond of national jurisdiction. In this regard, the Russian Federation has to review the strengths and weaknesses of this international agreement once again and to develop legitimate responses to new risks and threats to its national security.

Keywords: UN Convention on the Law of the Sea (1982), Commission on the Limits of the Continental Shelf, Arctic, International Seabed Area, International Seabed Authority, Common Heritage of Mankind, deep seabed mining, freedom of navigation, Russia, United States

Гудев Павел Андреевич – ведущий научный сотрудник Сектора международных организаций и глобального политического регулирования ИМЭМО РАН.

I. Введение

СССР был активным участником процесса разработки Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (КООНМП), подписав ее в том же году. После вступления Конвенции в силу в 1994 г. уже Российская Федерация ратифицировала соглашение в 1997 г.

По данным на 2018 г., участниками КООНМП являются 168 государств из 193 стран-членов ООН.¹ Среди стран, не подписавших или не ратифицировавших Конвенцию, можно условно выделить несколько групп.

Первая группа включает развитые страны мира (США, Израиль, Лихтенштейн, ОАЭ, Сан-Марино). Вторая состоит из таких быстро развивающихся стран, как Колумбия и Турция. Третья группа – это «проблемные» или погруженные в конфликты государства, в разные годы отнесенные США к странам-изгоям (Афганистан, Венесуэла, Иран, КНДР, Ливия, Сирия). В четвертую входят бывшие республики Советского Союза (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан). Пятая группа состоит из беднейших государств Азии, Африки и Латинской Америки (Андорры, Бурунди, Бутана, Камбоджи, Перу, Руанды, Сальвадора, Судана, ЦАР, Эритреи, Эфиопии).

Участие Российской Федерации в Конвенции как в наиболее фундаментальном международном соглашении по управлению пространствами и ресурсами Мирового океана, является, безусловно, оправданным. Необходимо учитывать, что значительная часть норм КООНМП – это кодифицированные в ее тексте нормы международного обычного права, так называемый международный обычай.² Такие нормы, в отличие от норм договорных, являются обязательными для исполнения абсолютно всеми участниками международного сообщества, в т. ч. не участвующими в самой Конвенции.

Россия крайне заинтересована в универсальном исполнении конвенционных норм всеми государствами. Это обусловлено не только военно-стратегическими интересами российского военно-морского флота, которые включают реализацию права мирного прохода через территориальные моря прибрежных стран, осуществление свободы судоходства и полетов в пределах 200-мильной исключительной экономической зоны (ИЭЗ) и реализацию прав транзитного прохода через международные проливы и прохода через воды архипелагов. Свою роль также играют и сугубо экономические интересы РФ.

Россия обладает торговым флотом, нуждающимся в беспрепятственном пересечении тех или иных акваторий, которые находятся под суверенитетом или юрисдикцией прибрежных государств. Рыбопромысловый флот РФ осуществляет вылов как в открытом море, в конвенционных районах Мирового океана (в рамках деятельности Комиссии по рыболовству в северо-восточной части Атлантического океана³ и других механизмов), так и в пределах ИЭЗ зарубежных государств. Реализация проектов подводных трубопроводов (например, «Северного потока-2») также основана на безусловном исполнении конвенционных норм, в частности, свободы прокладки подводных кабелей и трубопроводов в пределах как открытого моря, так и 200-мильных ИЭЗ прибрежных государств. Наконец, заложенный Конвенцией механизм защиты морской среды и ее биоразнообразия также отвечает интересам РФ.

II. Конвенция и иные источники права

Вне сомнений, участие России в КООНМП должно быть продолжено. Однако необходимо учитывать, что Конвенция не является единственным правовым регулятором управления и использования пространств и ресурсов Мирового океана. Помимо разнообразных международных договоров и соглашений в этой области, в т. ч. заключенных под эгидой Конвенции, к источникам международного права относят нормы обычного международного права – так называемый международный обычай. Данное положение закреплено в Статье 38 Статута Международного Суда ООН.⁴

При этом между договорными и обычными источниками права не может быть выстроена никакая иерархия. Несмотря на то, что международное право в целом идет по пути развития договорных норм, обычные нормы продолжают играть направляющую роль в его развитии.⁵ Кроме того, к вспомогательным источникам права относят решения международных судов по тем или иным вопросам, а также доктрину права, т. е. работы наиболее авторитетных экспертов в области международного права.

В этой связи необходимо учитывать, что правовой режим Арктики сложился задолго до принятия Конвенции преимущественно на основе норм обычного права, а также национальных законодательств арктических государств, прежде всего, России и Канады как стран, обладающих самой протяженной береговой линией в регионе. Проблемы Арктики не рассматривались в ходе проведения III Конференции ООН по морскому праву (1973–1982 гг.), а применение положений КООНМП к этому морскому региону было инициировано другими заинтересованными странами в тот период, когда Россия не располагала политическими, экономическими и военно-стратегическими возможностями для того, чтобы предотвратить этот процесс или поставить его в определенные рамки.⁶

Приоритет норм и положений КООНМП над национальным законодательством закреплен де-юре в Статье 15(4) Конституции РФ, предполагающей приведение национального законодательства страны в соответствии с нормами и положениями международных договоров, участницей которых она является. В статье, в частности, указано: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».⁷

Представляется, что данная конституционная норма нуждается в корректировке, ибо в современных условиях она не отвечает национальным интересам Российской Федерации. Следует учитывать, что многие государства (например, КНР) не имеют подобного рода формулировок в тексте основного закона, другие же (например, США) признают возможность приоритета национальных норм, в т. ч. решений национальных судов, над любыми видами международных соглашений. Данный случай также является проявлением различий в международном праве двух систем, или традиций: романо-германской, ставящей положения Основного закона превыше всего (такой путь выбрала и Россия в 1993 г.), и англо-саксонской, предполагающей возможность корректировки его положений на основе судебных решений.⁸

III. Права и полномочия Комиссии по границам континентального шельфа

Безапелляционное применение норм и положений КООНМП к арктическому региону привело к тому, что Конвенция стала рассматриваться в качестве единственного правового регулятора для решения возникающих вопросов, а роль и значение созданных в ее рамках международных институтов часто сильно преувеличивается.

Речь, прежде всего, идет о деятельности Комиссии по границам континентального шельфа (КГКШ), которая на данном этапе рассматривает доработанную российскую заявку (представление) по определению внешних границ континентального шельфа нашей страны в Арктике. Эту комиссию ошибочно называть «комиссией ООН». Она представляет собой сугубо технический орган в составе 20 экспертов в области геологии, гидрографии и т. д.⁹, который формируется из числа представителей 168 стран-участниц Конвенции, а не всех 193 государств-членов ООН. КГКШ не принимает каких-либо обязательных решений, а лишь наделена правом давать рекомендации, с которыми прибрежное государство вправе согласиться или не согласиться. В последнем случае, среди прочего, возможна подача таким государством новой или доработанной заявки на расширение континентального шельфа в «разумный срок».

США, как и другие страны, не принимающие участие в КООНМП, не имеют права делегировать своих экспертов и подавать заявку на расширение своего континентального шельфа в соответствии с конвенционными критериями и ограничениями. Однако процедура предусматривает, что все государства-члены ООН могут ознакомиться с текстом поданной в КГКШ заявки любого государства и высказать свои замечания по ней. В данном случае необходимо признать, что это положение в большей степени отвечает интересам США, нежели России, ставя последнюю в заведомо более невыгодные условия.¹⁰

Начавшиеся в 1997 г. подготовка и оформление российской заявки в КГКШ потребовали значительных финансовых и научных усилий. Однако судьба данной заявки вплоть до сегодняшнего дня остается не проясненной. Возможны любые сценарии, в том числе крайне негативные. В то же время отзыв российской заявки, безусловно, привел бы к серьезным репутационным издержкам для России, вплоть до обвинений ее в нарушении международного права.

В этих условиях представляется целесообразным попытаться путем политико-дипломатических переговоров убедить другие арктические страны (в данном случае Данию и Канаду) провести разграничение континентального шельфа в Арктике на двухсторонней основе без привлечения КГКШ. Такой вариант возможен в силу того, что правопритязания Дании на шельф, отраженные в поданной ею в Комиссию заявке, затрагивают ту часть подводной окраины материка, на которую претендует Россия. Потенциальная заявка Канады в КГКШ с большой вероятностью будет представлять аналогичную проблему.

Принимая во внимание тот факт, что КГКШ не наделена полномочиями по урегулированию противоречий между странами в данной области, имеет смысл произвести *разграничение* континентального шельфа в Арктике между Россией, Канадой и Данией и отказаться от процедуры *отграничения* шельфа от международного района морского дна (МРМД), чем де-факто занимается КГКШ.¹¹ Конвенция 1982 г. не наделяет КГКШ правом участвовать в разграничении континентального шельфа между государствами с противоположащими или смежными побережьями. В Конвенции, помимо Статьи 76 об определении внешних

границ континентального шельфа, содержится Статья 83, предусматривающая разграничение шельфа между странами без участия КГКШ. Теоретически такой вариант позволил бы не создавать в Арктике международный район морского дна за счет односторонних уступок со стороны Российской Федерации.

IV. Позиция США в отношении Конвенции

Вплоть до сегодняшнего дня ни Статья 76 КООНМП (использование которой в свое время инициировала Россия), ни концепция Общего наследия человечества (ОНЧ), применимая к ресурсам дна и недр за пределами зон национальной юрисдикции, не являются общепризнанными нормами обычного права. Это связано с тем, что механизм определения внешних границ континентального шельфа и концепция ОНЧ стали «новеллами» в международном морском праве, закрепленными в рамках Конвенции. До тех пор, пока не сложилась универсальная практики государств по имплементации этих положений Конвенции, в т. ч. со стороны не участвующих в ней государств (например, США), преждевременно говорить об их трансформации в обязательные для исполнения всеми государствами нормы обычного права.¹²

США, со своей стороны, традиционно заявляют о том, что КООНМП является документом, кодифицирующим обязательные для исполнения всеми государствами нормы обычного права.¹³ С американской точки зрения, абсолютно все новые для международного морского права положения – право транзитного и архипелажного проходов, положения Статьи 76 Конвенции, сама концепция ОНЧ и другие – уже являются устоявшимися нормами обычного права. Данные утверждения полностью отвечают военно-стратегическим интересам США и направлены на то, чтобы заставить все, в т. ч. не участвующие в Конвенции, государства единообразно придерживаться норм и положений КООНМП. В частности, для США весьма выгодно, чтобы применительно к Арктике государства этого региона использовали Статью 76, и весь процесс регулировался посредством привлечения КГКШ. США также крайне заинтересованы в том, чтобы все припроливные государства (прежде всего, прилегающие к Ормузскому проливу Иран и Оман, выходящие к Баб-эль-Мандебскому проливу Йемен и Джибути, и прилегающие к арктическим проливам Россия и Канада) не ограничивали право транзитного прохода. В противном случае, т. е. если эти нормы не рассматриваются в качестве норм обычного права, прибрежные государства могут не признавать правомерность использования Соединенными Штатами закрепленных в КООНМП преимуществ до тех пор, пока США не станут полноценным участником данной Конвенции.

Несмотря на поддержку ратификации КООНМП со стороны большей части политической, военной и деловой американских элит, вероятность этого шага со стороны официального Вашингтона в кратко- и среднесрочной перспективах теоретически возможна, но сомнительна. С одной стороны, Конвенция 1982 г. действительно предоставляет для США право участия в созданных ею структурах – КГКШ и Международном органе по морскому дну (МОМД). Однако, с другой стороны, она ставит США под юрисдикцию созданных Конвенцией международных судебных инстанций (в частности, Международного трибунала по морскому праву) и предусматривает целый ряд других ограничений в сфере осуществления различных видов морехозяйственной деятельности.

Уже сейчас США заявили о том, что в случае возможного присоединения к КООНМП они воспользуются закрепленным в Статье 298 правом вывести из-под

юрисдикции предусмотренных Конвенцией международных судебных инстанций (Международного Суда ООН, Международного трибунала по морскому праву, Арбитража и Специального арбитража) все споры, касающиеся делимитации морских пространств, исторических заливов, правовых оснований военной деятельности и деятельности по обеспечению соблюдения законов в отношении осуществления суверенных прав или юрисдикции.¹⁴ Более того, можно прогнозировать, что возможное присоединение США к Конвенции будет сопровождаться целым рядом других исключений, направленных на приоритетный учет американских национальных интересов – даже несмотря на то, что такие исключения прямо запрещены самой КООНМП.

Для США вообще характерно расширительное толкование определенных норм и положений Конвенции в угоду своим военно-стратегическим интересам. В частности, США настаивают на том, что никто кроме Совета Безопасности (СБ) ООН не обладает правом по инициации иска против них, который касался бы американской военной деятельности, нарушающей нормы и положения КООНМП. Такое право, безусловно, будет предоставлено Соединенным Штатам в случае их присоединения к Конвенции (в рамках Статьи 298).

Однако США особо подчеркивают, что любые виды разведывательной деятельности тоже попадают под категорию «военной», а значит также исключаются из-под юрисдикции международных судебных инстанций.¹⁵ Кроме того, американские эксперты настаивают, что проход подводных лодок через территориальное море прибрежного государства с целью реализации конвенционного права мирного прохода может быть осуществлен и в подводном положении,¹⁶ хотя Статья 19 КООНМП прямо предусматривает лишь надводный проход с поднятым флагом. Наконец, США принципиально разводят понятия «морские научные исследования» и «военные научные исследования». Вашингтон настаивает на том, что конвенционное требование о получении разрешения со стороны прибрежного государства на проведение научных исследований в пределах ИЭЗ или на континентальном шельфе не затрагивает «военные научные исследования» и что Соединенные Штаты могут осуществлять подобные исследования без соответствующего разрешения.¹⁷

V. Россия и международные судебные инстанции

При ратификации Конвенции Россия воспользовалась правом сослаться на положения Статьи 298 с целью исключить все виды споров (перечисленные выше применительно к США) из-под юрисдикции предусмотренных Конвенцией международных судебных инстанций.¹⁸ Эта статья является важным компромиссом, согласующим требования Конвенции с правом государств защищать свои национальные интересы.¹⁹ Однако в последние годы на уровне международной доктрины права идет процесс размывания положений этой статьи. Оно выражается в том, что международные судебные инстанции все чаще под тем или иным предлогом и в той или иной степени игнорируют ее положения.

В частности, Постоянная Палата третейского суда (ППТС) в Гааге не приняла во внимание апелляцию России на положения данной статьи в споре вокруг судна «Arctic Sunrise», инициированном голландской стороной как «государством флага».²⁰ В иске Филиппин против Китая ППТС также посчитала, что положения Статьи 298 не являются основанием для отказа в рассмотрении дела по существу.²¹

В иске касательно нарушения Россией прописанных в КООНМП прав Украины в акваториях вокруг Крыма, поданном Киевом в Международный Трибунал по морскому праву и перенаправленном в ППТС, Российская Федерация также будет с большой долей вероятности апеллировать в т. ч. к положениям Статьи 298 в части, касающейся «деятельности по обеспечению соблюдения законов в отношении осуществления суверенных прав или юрисдикции».²²

Кроме того, международные судебные инстанции, рассматривающие иски по нарушениям норм и положений КООНМП, не должны иметь юрисдикции по рассмотрению таких исков в случаях, когда затрагивается вопрос о суверенитете. Однако в последние годы наблюдается тенденция, когда являющийся главенствующим вопрос о суверенитете переводится в категорию второстепенного, что позволяет выносить вердикт по иску.²³ Эта тенденция представляет определенные риски для Российской Федерации.

VI. Конвенционные ограничения в отношении континентального шельфа и позиция США

Несмотря на то, что США заявляют о своем признании Статьи 76 в качестве нормы обычного права, избрание ими такого же пути, какой предпочла для себя Россия, обратившись в 1997 г. в КГКШ по вопросу определения внешних границ континентального шельфа, представляется возможным, но маловероятным. Можно лишь предположить, что если это и будет сделано, то без присоединения к КООНМП.²⁴

Не присоединившись к Конвенции, США, однако, подписали и ратифицировали другое международное соглашение, касающееся континентального шельфа – Конвенцию о континентальном шельфе 1958 г. В отличие от КООНМП, предусматривающей определенные геологические и пространственные лимиты континентального шельфа, Конвенция 1958 г. допускает разработку ресурсов шельфа до тех глубин, для освоения которых государство обладает необходимыми технологиями.²⁵

На практике это означает, что, в отличие от России, США могут апеллировать к этому положению для того, чтобы избежать признания ограничений протяженности своего континентального шельфа как в Арктике, так и в других акваториях. Следует учитывать, что США имеют детально разработанное национальное законодательство (в частности, Закон о внешнем континентальном шельфе 1953 г.),²⁶ принятое задолго до вступления в силу КООНМП в 1994 г. и продолжающее действовать. Данное законодательство регулирует разработку внешнего континентального шельфа.

Кроме того, США крайне негативно оценивают те положения КООНМП, которые касаются разработки ресурсов континентального шельфа за пределами 200-мильной зоны (Статья 82). Речь, в частности, идет о том, что государственно-разработчик должно производить отчисления или взносы натурой, однако развивающиеся страны от таких отчислений освобождаются. Отчисления должны производиться через Международный орган по морскому дну (МОМД), который распределяет их между государствами-участниками Конвенции, принимая во внимание интересы и потребности развивающихся государств, особенно наименее развитых стран и государств, не имеющих выхода к морю. Отчисления и взносы производятся ежегодно со всей продукции по истечении первых пяти лет добычи. Размер отчислений или взноса за шестой год составляет 1% стоимости или

объема продукции. Эта доля увеличивается на 1% каждый последующий год до истечения двенадцатого года и затем сохраняется на уровне 7%.²⁷

Кроме того, процесс обращения в КГКШ предусматривает, что до момента вынесения ею рекомендаций до их принятия прибрежным государством та часть шельфа, на которую оно претендует, открыта для научных изысканий и разведки ресурсов всеми заинтересованными странами. Так, КНР осуществляла несколько проектов по разведке ресурсов на той части континентального шельфа в Арктике, на которую сейчас претендует Россия. Когда процесс рассмотрения заявки в рамках КГКШ закончен, прибрежное государство-заявитель обязано в течение определенного времени обозначить те участки континентального шельфа, которые оно рассматривает для себя в качестве перспективных для разработки. Это требует проведения дорогостоящих изыскательных работ по разведке тех или иных месторождений.

Все перечисленные выше «ограничения», критикуемые США, в равной степени затрагивают национальные интересы России, которая ожидает одобрения своей заявки в КГКШ по Арктике и уже получила одобрение КГКШ по заявке на центральную часть Охотского моря.

VII. Правовой статус Охотского моря

Одобрение заявки России по континентальному шельфу центральной части Охотского моря не следует рассматривать как прецедент, который де-факто будет способствовать положительному решению по российской заявке в отношении дна Северного Ледовитого океана.

Охотское море полностью, за исключением центральной его части (являющейся анклавом открытого моря), перекрыто водами, находящимися под суверенитетом и юрисдикцией РФ. Здесь не было никакой конкурентной борьбы за контроль над континентальным шельфом за пределами 200-мильной зоны от исходных линий. Все претензии Японии сводились к тому, чтобы российская заявка не была основана на отсчете протяженности континентального шельфа от спорных островов.²⁸ В ходе консультаций с японской стороной данная проблема была решена по обоюдному согласию: было четко показано, что «спорные острова» – Кунашир, Шикотан, Итуруп и Хабомаи (Малая Курильская гряда) – не использовались Россией для отсчета ее континентального шельфа в центральной части Охотского моря.²⁹

Однако избранный Россией путь по обращению в КГКШ привел к тому, что правовой статус этой акватории был существенно снижен. В рамках советской правовой доктрины Охотское море всегда рассматривалось как находящееся под полным государственным суверенитетом внутренние исторические воды, где осуществление любых видов морехозяйственной деятельности со стороны других государств носило разрешительный характер.³⁰ Этот статус Охотского моря практически никто не оспаривал, оно традиционно считалось районом национальных интересов нашей страны.³¹ К настоящему же моменту Россия добилась признания того, что разработка дна центральной части Охотского моря – продолжения ее континентального шельфа, т. е. подводной окраины материка – будет обременена существенными финансовыми обязательствами (см. выше).

Тем не менее акватория центральной части Охотского моря не стала российской: в рамках избранного подхода по применению норм и положений Конвенции 1982 г. она продолжает оставаться анклавом открытого моря со всеми вытекающими отсюда шестью свободами. Соответственно, абсолютно все государства имеют право пользоваться данными свободами, включая свободу судоходства и рыболовства. Последняя имеет особенно негативные последствия для нашей страны, так как рыбопромысловые суда зарубежных государств фактически продолжают в этой акватории нерегулируемый промысел, влияющий на объем запасов водных биологических ресурсов в водах, находящихся уже под российской юрисдикцией.

Это еще один пример того, как поспешное применение Конвенции 1982 г. к стратегически важным акваториям де-юре ведет к ущемлению прав Российской Федерации, которые ранее не оспаривались и базировались на исторических правооснованиях.

VIII. Международный район морского дна и концепция Общего наследия человечества

В рамках КООНМП был создан механизм по разведке и разработке минеральных ресурсов глубоководных районов Мирового океана, находящихся за пределами зон национальной юрисдикции прибрежных государств. Это зоны либо за рамками 200-мильного лимита континентального шельфа, либо (в случае предъявления прав на так называемый расширенный континентальный шельф) за пределами внешних границ континентального шельфа. Такие районы именуются международными районами морского дна (МРМД). Ресурсы дна и недр МРМД в рамках Конвенции получили статус «Общего наследия человечества» (ОНЧ), их разведка и разработка контролируется МОМД.

Среди ряда стран, особенно азиатских партнеров РФ, распространено опасное заблуждение в том, что статус ОНЧ, помимо ресурсов дна и недр МРМД, якобы применяется еще и к поверхлежащим акваториям. На самом деле, в соответствии с Конвенцией, воды, лежащие над МРМД, а также над «расширенным» континентальным шельфом за пределами 200-мильной зоны от исходных линий, всегда остаются водами открытого моря. Это означает, что концепция ОНЧ не может быть применима к этим акваториям, а ее сфера применения – это исключительно ресурсы дна и недр МРМД.

Следует также иметь в виду, что, за исключением ОНЧ, в международном, в т. ч. морском, праве не существует никаких подобных концепций, предусматривающих полную или частичную интернационализацию тех или иных морских пространств и/или ресурсов. Поэтому все предложения рассматривать, например, Арктику как общее достояние человечества, зону всемирного наследия и т. п.³² не только нелегитимны, но и носят явно выраженный спекулятивный характер.

Наконец, если избранный Российской Федерацией в 1997 г. подход по определению внешних границ континентального шельфа в Арктике посредством подачи соответствующей заявки в КГКШ не будет принципиально изменен, в этом регионе будет сформирован, как минимум, один МРМД, причем именно Россией (географически – это северо-западная часть бывшего советского арктического сектора).

Однако, пока процесс рассмотрения российской заявки не завершен, говорить о существовании МРМД в соответствующей зоне преждевременно. К сожалению, некоторые страны, например КНР,³³ на уровне официальных документов концептуального и стратегического характера допускают подобного рода «оплошности», явно стремясь выдать желаемое за действительное. Фактически, тем самым утверждается безальтернативность избранного Россией подхода, что не соответствует истине.

Кстати, позиция КНР по отношению к деятельности МОМД вообще выглядит провокационной. В частности, китайские эксперты призывают расширить полномочия МОМД за счет включения в его деятельность проблематики, касающейся вопросов определения внешних границ континентального шельфа (несмотря на то, что этим, в соответствии с Конвенцией 1982 г., занимается КГКШ). Пекин считает, что существующий подход является несправедливым, поскольку один орган (КГКШ) фактически решает вопрос о том, где будут проходить внешние границы континентального шельфа прибрежного государства. Тем самым КГКШ непосредственно влияет на площадь МРМД, ресурсы которого имеют статус ОНЧ. Китайские эксперты призывают МОМД играть более активную роль в определении границ МРМД. Более того, они подчеркивают, что интересы всех стран, имеющих потенциальную возможность разработки ресурсов МРМД, должны ставиться выше интересов прибрежных государств по расширению площади своего континентального шельфа. Китайские эксперты на заседаниях МОМД уже давно бьют «тревогу» по этому поводу, утверждая, что принцип ОНЧ повсеместно ущемляется прибрежными государствами.³⁴

IX. Перспективы разработки глубоководных ресурсов

Международный орган по морскому дну призван контролировать и выдавать лицензии: на первом этапе на разведку (на 15 лет с правом продления на определенных условиях), а на последующем – на разработку твердых полезных ископаемых МРМД. МОМД утвердил Правила поиска и разведки полиметаллических железомарганцевых конкреций (ЖМК), глубоководных полиметаллических сульфидов (ГПС) и кобальтоносных железомарганцевых корок (КМК). К 2020 г. ожидается принятие правил по добыче данных видов ресурсов, означающее начало официального старта их промышленной эксплуатации.³⁵

Россия является одним из пионеров разведки глубоководных ресурсов, что обеспечивает ей определенные преференции. Важно, что только две страны – Россия и Китай – занимаются разведкой всех трех видов полезных ископаемых (ЖМК, ГПС, КМК). При этом работы ведутся и в восточной части Тихого океана (разведка КМК в районе Магеллановых гор), и в его западной части (разведка ЖМК на поле Кларион-Клиппертон), а также в пределах срединного хребта Атлантического океана (разведка ГПС).³⁶

В 2016 г. МОМД продлил контракт с федеральным государственным предприятием «Южморгеология» по доразведке ЖМК в зоне Кларион-Клиппертон на пять лет до 2021 г. В районе Магеллановых гор контракт на КМК действует до 2030 г., а на ГПС в Атлантике – до 2027 г.³⁷

Считается, что на сегодняшний день ни одно государство не готово на практике перейти от разведки к осуществлению полноценной добычи глубоководных полезных ископаемых. Оптимальный вариант продвижения по этому пути – наращивание опыта по добыче в глубоководных районах в пределах собственной ИЭЗ.³⁸ В частности, канадская компания “Nautilus Minerals”,³⁹ 17% акций которой контролирует частично российский «Металлоинвест» (налоговый резидент Кипра, на 48% принадлежащий Алишеру Усманову)⁴⁰, планирует приступить в добыче в пределах ИЭЗ Папуа-Новой Гвинеи, а также Того, Фиджи, Соломоновых о-вов, Вануату и Новой Зеландии. Россия также может развивать технологии по разведке и добычи в районе Курильских и Командорских островов, предположительно богатыми залежами сульфидных руд.⁴¹

Если в плане разведки позиции России пока достаточно прочны, то в области готовности к добыче ее опережают такие страны, как Бельгия, Канада, Япония и КНР. Последняя, наряду с рядом других стран (Великобританией, Чехией, Бельгией и др.) в 2016 г. приняла закон о глубоководной добыче (Deep-Seabed Mining Law),⁴² который призван регулировать данный вид деятельности на государственном уровне, а также открыла профильный научный Институт глубоководной науки и инженерии.

В этой связи России, со стратегической точки зрения, остро не хватает государственной программы по изучению полезных ископаемых глубоководных районов Мирового океана, которая предусматривала бы не только проведение научно-исследовательских работ, строительство судов и производство необходимого оборудования, но и подготовку специалистов по указанному профилю.

Х. Экологические аспекты деятельности Международного органа по морскому дну

Одна из основных проблем, связанных с разработкой ресурсов МРМД, касается неуклонной экологизации деятельности МОМД.

С одной стороны, Статья 145 КООНМП наделила МОМД целым рядом обязанностей по обеспечению эффективной защиты морской среды, «экологического равновесия», а также флоры и фауны от вредных для нее последствий, которые могут возникнуть в результате деятельности в МРМД. В Соглашении 1994 г. МОМД были представлены полномочия по введению особых правил и процедур с целью оценки влияния тех или иных работ в МРМД на морскую среду. В частности, любая заявка от подрядчика должна сопровождаться оценкой потенциального экологического воздействия предлагаемой деятельности.⁴³ В целях реализации этих требований МОМД предполагает использовать так называемые рабочие и заповедные «эталонные полигоны». Термин «рабочие эталонные полигоны» означает участки, используемые для оценки последствий деятельности каждого подрядчика в МРМД для морской среды и обладающие типичными для МРМД экологическими характеристиками. Термин «заповедные эталонные полигоны» означает участки, в которых добыча не производится с тем, чтобы обеспечить типичность и ненарушенность биоты морского дна для целей оценки любых изменений флоры и фауны морской среды.⁴⁴

С другой стороны, подобная практика фактически означает существенное ограничение деятельности в МРМД в угоду сохранения его биоразнообразия, а

также формирование «защищенных областей», что весьма условно соотносится с нормами Конвенции.

Несмотря на то, что определенная степень защиты экосистем глубоководных районов морского дна необходима, ограничение доступа, например, к генетическим ресурсам этих районов будет контрпродуктивным для развития научного прогресса, промышленных и медицинских технологий.⁴⁵

США, со своей стороны, отстаивают позицию, согласно которой генетические ресурсы рассматриваемого района являются «открытыми ресурсами», а Статья 87 КООНМП, где приведен список свобод открытого моря, не носит исчерпывающего характера.⁴⁶

В противовес позиции США многие развивающиеся страны выступают за распространение концепции ОНЧ на генетические ресурсы МРМД с целью получения финансовой выгоды от их разработки развитыми государствами.⁴⁷

МОМД стремится играть более значимую роль в проведении и координации морских научных исследований. Однако руководство МОМД рассматривает такие исследования как вид деятельности, который наносит непоправимый урон состоянию гидротермальных источников, являющихся проводниками поступающей от ядра Земли химической энергии, используемой генетическими ресурсами для своего роста. Перед МОМД поставлена задача принципиальным образом скоординировать проведение любых научных исследований, в т. ч. направленных на изучение ресурсного потенциала в МРМД. Предполагается, что со временем МОМД станет играть еще более значительную роль в проведении и координации морских научных исследований, хотя до сих пор не совсем понятно, какие институциональные и правовые механизмы для этого будут использоваться.

Руководство МОМД также проявляет особую озабоченность в отношении рыболовства. Это связано с тем, что рыболовство (в особенности с использованием тралового метода) может негативно сказываться на состоянии генетических ресурсов глубоководных районов. Несмотря на то, что, согласно КООНМП, МОМД не имеет полномочий по регулированию рыболовства в покрывающих МРМД водах, усиление его компетенции в этой области представляется вполне вероятным.

XI. США и глубоководные ресурсы

США занимают особую позицию в отношении как континентального шельфа и его внешних границ, так и ресурсов глубоководных районов Мирового океана.

С одной стороны, США подписали Соглашение 1994 г., видоизменившее первоначальный режим разработки глубоководных ресурсов в пользу развитых государств. Формально американские политические и бизнес-элиты выступают за режим разработки данных ресурсов в рамках МОМД. Международная позиция также заключается в том, что разведка и разработка ресурсов МРМД невозможна вне рамок Конвенции 1982 г.⁴⁸

С другой стороны, оставаясь вне рамок Конвенции, США имеют в своем распоряжении хорошо разработанное национальное законодательство в области регулирования ресурсной деятельности в глубоководных районах морского дна. Еще в 1980 г. Конгресс США одобрил Закон о твердых полезных ископаемых глубоководных районов морского дна (Deep Seabed Hard Mineral Resources Act – DSHMRA),⁴⁹ направленный на регулирование добычи минеральных ресурсов. В его рамках разработка соответствующих ресурсов рассматривается как одна из свобод открытого моря.

Кроме того, в 1984 г. восемь государств (Бельгия, Франция, ФРГ, Великобритания, Италия, Япония, Голландия и США) заключили между собой соглашение о разработке глубоководных ресурсов дна Мирового океана.⁵⁰ Целью этого так называемого *mini-regime* было разрешить национальным государствам заниматься разработкой таких ресурсов вне рамок КООНМП. Некоторые американские эксперты продолжают считать Соглашение 1984 г. и последующие договоренности с другими странами, в т. ч. участниками МОМД, действующими и не утратившими силу.⁵¹

При этом США имели и имеют двусторонние соглашения (в частности, меморандумы о взаимопонимании) практически со всеми членами МОМД, которые ведут разведку глубоководных ресурсов, включая СССР⁵² (1987 г.) и КНР (1991 г.), но за исключением Науру, Кирибати, Южной Кореи и Тонга. Эти соглашения касаются механизмов урегулирования противоречий в случае взаимных претензий на те или иные участки глубоководного района морского дна.

Как уже отмечалось, режим разработки ресурсов МРМД (Соглашение 1994 г. об осуществлении Части XI Конвенции 1982 г., подписанное, но не ратифицированное США) и сама концепция ОНЧ пока не приобрели силу императивной нормы (*jus cogens*) международного права. Это предполагает возможность для тех стран, которые не присоединились к Конвенции 1982 г., и прежде всего США, не соблюдать эти нормы. Позиция США предполагает, что право любого государства свободно заниматься ресурсной деятельностью в районе является устоявшейся нормой обычного международного права.

В зоне Кларион-Клиппертон США первоначально закрепили за собой четыре участка ("USA-1", "USA-2", "USA-3" и "USA-4"), которые в т. ч. граничат с российскими участками.⁵³ Лицензиями на участки "USA-1" и "USA-4" владеет компания "OMCO", на 100% принадлежащая "Lockheed Martin Corporation". Участок "USA-2" остается нетронутым, а участок "USA-3" в 2012 г. был передан американо-бельгийско-итальянским консорциумом "OMA" МОМД в пользу бельгийской компании "G-TEC Sea Mineral resources NV".⁵⁴ При этом МОМД выражает молчаливое согласие с тем, что претензии США на два участка являются легитимными.⁵⁵ Более того, США могут вновь заявить свои права на участок "USA-2" площадью 112500 км², остающийся свободным.

XII. Конвенция 1982 г. и военно-стратегические интересы США

Не лишним будет еще раз обратить внимание на уникальную позицию США в отношении Конвенции 1982 г. Вашингтон, с одной стороны, не подписал и не ратифицировал КООНМП: в 1994 г. было лишь подписано Соглашение об исполнении Части XI Конвенции 1982 г., касающееся разработки глубоководных ресурсов МРМД. С другой стороны, США являются единственной страной, которая активно оспаривает нарушения норм и положений Конвенции и борется с ее расширительными трактовками другими странами в рамках инициированной в 1979 г. программы "Freedom of Navigation" (FON), которую курируют Госдепартамент и Пентагон. Программа "FON" предполагает не только направление нот дипломатического протеста, но и такие мероприятия, как демонстрация флага и проведение военно-морских учений и маневров.⁵⁶

Показательно, что оспаривание тех или иных правоприязаний осуществляется не только в отношении стран, с которыми у США довольно напряженные отношения (КНР, КНДР, Сирии, Ливии), но и в отношении ближайших союзников Вашингтона (Японии, Южной Кореи и др.).⁵⁷

Принципиально важно то, что американское понимание защиты принципа свободы судоходства не ограничено борьбой с нарушением именно этой свободы открытого моря, а включает в себя оспаривание абсолютно всех правоприязнаний. Среди них ограничение права мирного прохода и прав архипелажного и транзитного проходов, расширение прав в области обеспечения безопасности в прилегающей зоне, ограничение военно-морской деятельности в пределах ИЭЗ и некорректно установленных прямых исходных линий, распространение статуса внутренних (в т. ч. исторических) вод на те или иные акватории.

Мотивация США здесь предельно ясна: Вашингтон старается не допустить того, чтобы постоянная и неоспариваемая практика тех или иных государств в конечном счете привела к формированию норм обычного права (международного обычая), который стал бы обязательным для исполнения всеми государствами-участниками международного сообщества.⁵⁸

Однако де-факто такой курс направлен, прежде всего, на поддержание американского доминирования в Мировом океане и защиту экономических (свободы торговли) и военно-стратегических (возможность беспрепятственной переброски вооруженных сил) интересов США.

Для России проблема заключается в том, что пока теоретически, но в перспективе и практически, американская программа "FON" может быть использована и для того, чтобы оспорить правовой статус Северного морского пути (СМП).⁵⁹ Разговоры об этом уже ведутся на уровне руководства военно-морских сил (ВМС) США.⁶⁰ Россия рассматривает СМП в качестве национальной транспортной артерии, находящейся под ее полным контролем. В отношении СМП действует разрешительный порядок прохода гражданских судов и планируется ввести уведомительный порядок прохода военных кораблей зарубежных государств.⁶¹

Крайне негативным сценарием развития ситуации будет также активизация мероприятий в рамках "FON" в акваториях вокруг российского Крымского полуострова, государственная принадлежность которого не признана и может быть оспорена другими заинтересованными странами, включая США. Первый тревожный сигнал прозвучал уже в декабре 2018 г., когда США направили свой эсминец в российский залив Петра Великого⁶² для того, чтобы в очередной раз (начиная с 1987 г.) оспорить положения советского национального законодательства 1957 г., в соответствии с которыми вся его акватория была объявлена внутренними (историческими) водами, находящимися под полным государственным суверенитетом РФ.

XIII. Заключение

В настоящее время Российская Федерация находится в сложной ситуации. С одной стороны, она вынуждена исполнять нормы и положения Конвенции 1982 г. как ключевого международного соглашения в области управления и использования пространствами и ресурсами Мирового океана. С другой стороны, нельзя не учитывать, что беспрекословное соблюдение этих норм может нести угрозу ее собственным интересам, прежде всего в области обеспечения национальной безопасности, включая ее военный, ресурсный, экологический и другие аспекты.

Безусловно, необходимость самого участия России в Конвенции 1982 г. не подлежит сомнению. В противном случае, Россия понесла бы существенные репутационные издержки. Тем не менее не стоит преувеличивать значение Конвенции, в т. ч. по отношению к нормам обычного международного права и

национальной правовой доктрине. Эти нормы крайне важны применительно к Арктическому региону. Даже в случае с определением внешних границ континентального шельфа в Северном Ледовитом океане следует помнить, что избранный Россией в 1997–2001 гг. путь, связанный с обращением в Комиссию по границам континентального шельфа, не является безальтернативным, в т. ч. в рамках самой Конвенции.

К сожалению, пока целый ряд прибрежных государств не присоединился к Конвенции. Это прежде всего относится к крупнейшей морской и военно-морской державе – США. По отношению к США, Россия и другие страны-участницы Конвенции находятся в неравных условиях. Американский тезис о том, что США беспрекословно чтут нормы и положения КООНПМ, является не более чем политической спекуляцией. США вряд ли откажутся как от расширительных трактовок ее ключевых положений, так и от приоритета своего национального законодательства над конвенционными нормами.

Принуждая другие страны беспрекословно соблюдать нормы и положения Конвенции посредством программы “Freedom of Navigation”, США действуют исключительно в собственных экономических и военно-стратегических интересах: им крайне выгодно, чтобы все остальные государства действовали в Мировом океане максимально единообразно. При этом сами США видят в процессе присоединения к Конвенции целый ряд негативных последствий для себя, одновременно стремясь воспользоваться всеми предоставляемыми ею преимуществами. Это вызывает, по крайней мере, два важных вопроса. Будут ли США действовать так же, как и Россия, в определении внешних границ своего континентального шельфа или нет? Будет ли этот процесс сопровождаться ратификацией Конвенции или же пройдет вне ее рамок?

В рамках Конвенции был принят режим разведки и разработки глубоководных ресурсов Мирового океана за пределами зон национальной юрисдикции. Эти ресурсы по праву можно считать своеобразным стратегическим запасом всего человечества. Наряду с рядом других развитых стран, СССР был пионером в их исследовании. Хотя сегодня позиции России с этой сфере еще достаточно прочны, намечается существенное отставание ее от других государств: в РФ нет ни профильных научно-исследовательских институтов, ни технического оборудования, ни соответствующего законодательного обеспечения в данной области. Китай довольно значительно опережает РФ в этой сфере. Остающиеся в стороне от Конвенции США также вносят определенный диссонанс в существующий режим разработки данных ресурсов, оставляя открытым вопрос о том, будут ли они принимать на себя предписанные Конвенцией обязательства по их эксплуатации или же предпочтут действовать исключительно в своих национальных интересах.

Российское участие в Конвенции не должно быть пассивным. Оно должно предполагать активную позицию по интерпретации ее норм и положений. Защита национальных интересов РФ в области освоения и использования пространств и ресурсов Мирового океана предполагает состязательность государственных позиций и их отстаивание в рамках различного рода международных организаций и институтов. Необходимо формирование пула экспертов, которые могли бы представлять российские интересы на международном уровне. Только в таком случае можно рассчитывать, что существующие конвенционные рамки не будут ограничивать возможности России в данной области.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Chronological lists of ratifications of, accessions and successions to the Convention and the related Agreements. United Nations Division of Ocean Affairs and the Law of the Sea. Last updated 08.04.2019. URL: http://www.un.org/depts/los/reference_files/chronological_lists_of_ratifications.htm.

² Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. Международный обычай как основной источник международного права // Государство и право. 2012. № 6. С. 81–83.

³ North East Atlantic Fisheries Commission (NEAFC). URL: <https://www.neafc.org>.

⁴ Статут Международного Суда ООН. URL: <http://www.un.org/ru/icj/statut.shtml#chap2>.

⁵ Вылегжанин А.Н. Становление глобального правового пространства в XXI веке // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 2(23). 2010. С. 15–29.

⁶ Жудро И.С. Эволюция международно-правового режима Северного Ледовитого океана и национальные интересы России // Московский журнал международного права. 2016. № 2. С. 63–80.

⁷ Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm>.

⁸ Марченко М.Н. Правовые системы современного мира. Уч. пособие. – М.: ИКД Зеркало-М, 2009.

⁹ Members of the Commission on the Limits of the Continental Shelf 2017–2022. UN Division of Ocean Affairs and the Law of the Sea. Last updated 25.09.2018. URL: http://www.un.org/Depts/los/clcs_new/commission_members.htm#Members.

¹⁰ Носиков А.Н. Современные тенденции развития правового режима Международного района морского дна. Автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. юр. наук. – М.: МГИМО(У) МИД РФ, 2010; Носиков А.Н. Конвенция по морскому праву и Международный орган по морскому дну: взгляд США // Московский журнал международного права. 2010. № 2. С. 93–108.

¹¹ Жудро И.С. К толкованию норм международного права о Комиссии по границам континентального шельфа в контексте национальных интересов России и других приарктических государств // Московский журнал международного права. 2017. № 1. С. 50–63.

¹² Harrison J. Making the Law of the Sea: A Study in the Development of International Law. – N.Y.: Cambridge University Press, 2011. P. 51–59; Lodge W.M. The Common Heritage of Mankind // The Law of the Sea Convention at 30: Success, Challenges and New Agendas / Ed.by D.Freestone. – Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2013. P. 60; Tanaka Y. The International Law of the Sea. – N.Y.: Cambridge University Press, 2012. P. 140–141; Международное право. Уч. для бакалавров / под ред. А.Н.Вылегжанина. 2-е изд. – М.: Юрайт, 2012. С. 199, 202.

¹³ 17 ноября 1987 г. Межведомственная группа по морскому праву и океанической политике США в своем Меморандуме отметила, что «условия определения границ ст. 76 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года являются международным обычным правом и Соединенные Штаты будут использовать эти правила как для определения границ своего континентального шельфа, так и для оценки претензий других государств в отношении континентального шельфа». См.: Roach J.A., Smith W.R. Excessive maritime claims. 3^d ed. – Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2012. P.187–188.

¹⁴ Senate Executive Report. 108th Congress, 2nd Session. Exec. Rpt. 108-10. 11 March 2004. P. 89, 93. URL: <http://www.gc.noaa.gov/documents/SEExecRept-108-10.pdf>; Senate Executive Report. 110th Congress, 1st Session. Exec. Rpt. 110-9. 19 December 2007. P. 19. URL: <http://www.gc.noaa.gov/documents/UNCLOS-Sen-Exec-Rpt-110-9.pdf>.

¹⁵ Senate Executive Report. 110th Congress, 1st Session. Exec. Rpt. 110-9. Op. cit. P. 11.

-
- ¹⁶ Ibid. P. 12–13, 26–27.
- ¹⁷ Wilson B., Kraska J. American security and Law of the Sea // Ocean Development & International Law. V. 40. 2009. P. 284.
- ¹⁸ Declarations and statements: Russian Federation. UN Division of Ocean Affairs and the Law of the Sea. Last updated 30.04.2019. URL: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/convention_declarations.htm#Russian%20Federation%20Upon%20signature.
- ¹⁹ Zou K., Ye Q. Interpretation and application of Article 298 of the Law of the Sea Convention in Recent Annex VII arbitrations: an appraisal // Ocean development and International Law. V. 48. № 3-4. 2017. P. 331–344.
- ²⁰ The Arctic Sunrise arbitration (Netherlands v. Russia). Permanent Court of Arbitration. URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/21>.
- ²¹ The South China Sea arbitration (The Republic of the Philippines v. the People's Republic of China). Permanent Court of Arbitration. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/1801>.
- ²² Dispute concerning coastal state rights in the Black Sea, Sea of Azov, and Kerch Strait (Ukraine v. the Russian Federation). Permanent Court of Arbitration. URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/149>.
- ²³ Statement given to the informal meeting of Legal Advisers of Ministries of Foreign Affairs. New York, 23 October 2006. URL: <https://www.itlos.org/press-media/statements-of-the-president/statements-of-president-wolfrum>.
- ²⁴ Baumert K.A. The outer limits of the continental shelf under customary international Law // The American Journal of International Law. V. 111. № 4. 2017. P. 827–872.
- ²⁵ Статья 1 относит к шельфу поверхность и недра морского дна в районах, примыкающих к берегу континента или острова, но находящихся вне зоны территориальных вод до глубины 200 м или же за этим пределом до того места, *до которого глубина позволяет разработку*. Конвенция о континентальном шельфе. Женева, 29 апреля 1958 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/conts.pdf.
- ²⁶ Outer Continental Shelf Lands Act. URL: <https://www.boem.gov/Outer-Continental-Shelf-Lands-Act>.
- ²⁷ Колодкин А.Л., Гуцуляк В.Н., Боброва Ю.В. Мировой океан. Международно-правовой режим: Основные проблемы. – М.: Статут, 2007. С. 112; 286–292.
- ²⁸ Japan: Notification regarding the submission made by the Russian Federation to the Commission on the Limits of the Continental Shelf. 14 March 2002. URL: http://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/rus01/CLCS_01_2001_LOS_JPNtext.pdf.
- ²⁹ Пересмотренное частичное представление Российской Федерации в Комиссию по границам континентального шельфа в отношении континентального шельфа в Охотском море. Ч. 1: Резюме. МИД РФ. 2013. URL: http://www.un.org/depts/los/clcs_new/submissions_files/rus01_rev13/part_1_Rezume_MID.pdf.
- ³⁰ Международно-правовая квалификация морских районов в качестве исторических вод: теория и практика государств / под ред. А.Н.Вылегжанина. – М.: МГИМО, 2012.
- ³¹ Мелков Г.М. К вопросу о статусе Печорского и Охотского морей // Московский журнал международного права. 2014. № 4. С. 40–55.
- ³² The European Union's Strategy of Sustainable Management for the Arctic. Tromso, Norway, 19 January 2009. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-09-9_en.htm?locale=en.

-
- ³³ China's Arctic Policy. The State Council Information Office of the People's Republic of China. January 2018. URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm.
- ³⁴ Franckx E. The International Seabed Authority and the Common Heritage of Mankind: The Need for States to Establish the Outer Limits of their Continental Shelf // *The International Journal of Marine and Coastal Law*. V. 25. 2010. P. 543–567.
- ³⁵ The Mining Code. Kingston (Jamaica): International Seabed Authority. URL: <https://www.isa.org.jm/mining-code/Regulations>.
- ³⁶ Deep Seabed Minerals Contractors. URL: <https://www.isa.org.jm/deep-seabed-minerals-contractors>.
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ Андрианов А. Кто первый за кладом // *Российская газета*. 4 декабря 2018; Он же. О чем молчит великий океан? // *Научная Россия*. 22 декабря 2018.
- ³⁹ Nautilus Minerals: Overview. URL: <http://www.nautilusminerals.com/irm/content/overview.aspx?RID=252&RedirectCount=1>.
- ⁴⁰ Page R. An Overview of Chinese Policy, Activity and Strategic Interests Relating to Deep Sea Mining in the Pacific Region. Deep Sea Mining Campaign Report. Project of the Ocean Foundation. – Washington D.C.: The Ocean Foundation, 2018. URL: http://www.deepseaminingoutofourdepth.org/wp-content/uploads/China-Report_FINAL.pdf.
- ⁴¹ Добровидова О. Мы даже не понимаем степени изученности наших близлежащих дальневосточных морей! // *Чердак: наука, технологии, будущее*. 05.07.2018. URL: <https://chrdrk.ru/sci/adrianov-interview>.
- ⁴² Zhang G., Zheng P. A New step forward: review of China's 2016 legislation on International Seabed Area exploration and exploitation // *Marine Policy*. № 6. 2016. P. 244-255.
- ⁴³ Статсья 7(1) Приложения к Соглашению 1994 г. об осуществлении Части XI Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agreement_impl_lawsea.shtml.
- ⁴⁴ Правило 31(7). См. Правила поиска и разведки полиметаллических конкреций в Районе. Приняты 13 июля 2000 года (ISBA/6/A/18, приложение, от 4 октября 2000 г.), с поправками, внесенными в 2013 г. (ISBA/19/C/17, приложение, от 22 июля 2013 г.), и с поправками, внесенными в 2014 г. (ISBA/20/A/9, приложение, от 24 июля 2014 г.). URL: <http://www.isa.org.jm/files/documents/RU/Regs/MiningCode.pdf>.
- ⁴⁵ Tanaka Y. A Dual Approach to Ocean Governance: The Cases of Zonal and Integrated Management in International Law of the Sea. The Ashgate International Law Series. – Bodmin: Ashgate, 2008. P. 137–149, 205.
- ⁴⁶ Lodge W.M. Op. cit. P. 67.
- ⁴⁷ Шувалова Т. Морское биоразнообразие в поле зрения ООН: в ожидании новых ответов. Комментарий. Российский совет по международным делам. 01.04.2019. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/morskoe-bioraznoobrazie-v-pole-zreniya-oon-v-ozhidanii-novykh-otvetov-na-starye-voprosy/?sphrase_id=26277670.
- ⁴⁸ Lodge W.M. Op. cit. P. 733–742.
- ⁴⁹ Deep Seabed Hard Mineral Resources Act. 28 June 1980. URL: <https://legcounsel.house.gov/Comps/Deep%20Seabed%20Hard%20Mineral%20Resources%20Act.pdf>.

⁵⁰ Belgium-France-Federal Republic of Germany-Italy-Japan-Netherlands-United Kingdom-United States: Provisional Understanding Regarding Deep Seabed Mining // *International Legal Materials* (American Society of International Law). № 6. 1984. P. 1354–1365.

⁵¹ Groves S. The U.S. Can Mine the Deep Seabed Without Joining the U.N. Convention on the Law of the Sea. The Heritage Foundation Backgrounder № 2746. – Washington D.C.: The Heritage Foundation, 2012. URL: <http://www.heritage.org/research/reports/2012/12/the-us-can-mine-the-deep-seabed-without-joining-the-un-convention-on-the-law-of-the-sea>.

⁵² Belgium-Canada-Italy-Netherlands-Union of Soviet Socialist Republics: Agreement on the Resolution of Practical Problems with respect to Deep Seabed Mining Areas, and Exchange of Notes Between the United States and the Parties to the Agreement // *International Legal Materials* (American Society of International Law). № 6. 1987. P. 1502–1515.

⁵³ Deep Seabed Mining. A Report to Congress. U.S. Department of Commerce. National Oceanic and Atmospheric Administration (NOAA). – Washington D.C.: NOAA, 1995. URL: https://www.gc.noaa.gov/documents/gcil_dsm_1995_report.pdf.

⁵⁴ Map 1: US Claims in the Clarion-Clipperton Zone // Groves S. Op. cit. URL: <https://www.heritage.org/report/the-us-can-mine-the-deep-seabed-without-joining-the-un-convention-the-law-the-sea>.

⁵⁵ Zalik A. Mining the seabed, enclosing the Area: proprietary knowledge and the geopolitics of the extractive frontier beyond national jurisdiction // *International Social Science Journal*. November 2018. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1111/issj.12159>.

⁵⁶ Этот подход вполне закономерно получил название «перо и молот». См.: Kuok L. The US FON program in the South China Sea. The Brookings Institute East Asia Policy Paper № 9. – Washington D.C.: Brookings, 2016. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/The-US-FON-Program-in-the-South-China-Sea.pdf>.

⁵⁷ DoD Annual Freedom of Navigation (FON) Reports. Undersecretary of Defense for Policy. U.S. Department of Defense (DoD). URL: <http://policy.defense.gov/OUSSDP-Offices/FON>.

⁵⁸ Stephens D. The legal efficacy of freedom of navigation assertions // *International Law Studies*. V. 80. 2006. P. 243. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.ru/&httpsredir=1&article=1274&context=ils>.

⁵⁹ Тодоров А.А. Куда ведет Северный морской путь? Комментарий. Российский совет по международным делам. 18.04.2019. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kuda-vedet-severnyy-morskoy-put/?sphrase_id=26275265.

⁶⁰ “Challenging” Russia in the Arctic: Political posturing or a war in the making // *Russia Today*. 23.02.2019. URL: <https://www.rt.com/news/452228-us-uk-arctic-freedom>.

⁶¹ Пояснительная записка к проекту постановления Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в правила плавания и пребывания иностранных военных кораблей и других государственных судов, эксплуатируемых в некоммерческих целях, в территориальном море, во внутренних морских водах, на военно-морских базах, в пунктах базирования военных кораблей и морских портах Российской Федерации». URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=89000>.

⁶² Panda A. US Navy conducts first post-Cold War FONOP in Peter the Great Bay, off Russian coast: The operation challenges what the United States sees as excessive Russian maritime claims // *The Diplomat*. 06.12.2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/12/us-navy-conducts-first-post-cold-war-phonop-in-peter-the-great-bay-off-russian-coast>.